

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.112-124

Е. К. Антонович*

К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации¹

Аннотация. Цифровизация столь уверенно входит в повседневную жизнь, что уже уголовное судопроизводство исследуется с позиции возможности его перехода в электронный формат. Обсуждаются вопросы не только об использовании информационных технологий при производстве отдельных следственных действий и о месте электронных доказательств в перечне видов доказательств, но и об электронном уголовном деле. Как известно, без показаний свидетелей не обходится практически ни одно уголовное дело. Это обуславливает необходимость реформирования процедуры производства допроса участников уголовного процесса, а также фиксирования этих показаний. Такие новеллы важны как с точки зрения создания условий допустимости и, соответственно, достоверности доказательств, так и с точки зрения гарантии соблюдения прав и законных интересов лиц, которые вовлечены в уголовное судопроизводство. То же касается других следственных действий с использованием информационных технологий. Национальное законодательство современных государств создает свои стандарты производства следственных действий с использованием цифровых технологий. Однако все это представляет особый интерес, когда речь идет о международном сотрудничестве. В работе на основе анализа российского законодательства объясняется понятие правосубъектности и международной правосубъектности. Рассматривается и законодательство отдельных зарубежных стран, изучаются вопросы нормативного регулирования применения цифровых технологий при производстве некоторых следственных действий, в том числе дистанционный допрос и депонирование показаний свидетеля в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; правосубъектность; показания свидетелей; допрос свидетелей; цифровые технологии; цифровизация; дистанционный допрос; депонирование показаний; доказательства.

Для цитирования: Антонович Е. К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 112—124. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.112-124.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

© Антонович Е. К., 2020

* Антонович Елена Константиновна, кандидат юридических наук, полковник внутренней службы в отставке, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
e.ant@inbox.ru

International Legal Personality and Criminal Proceedings in the Context of Digitalisation²

Elena K. Antonovich, Cand. Sci. (Law), Retired Colonel of Internal Service, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
e.ant@inbox.ru

Abstract. Digitalization is becoming commonplace so rapidly that currently even criminal proceedings are being investigated in the context of possibility of their transition to electronic format. The paper investigates the issues not only about the use of IT-technologies and their role in individual investigative actions and about the place of electronic evidence in the list of evidence, but also about an electronic criminal case. It is known that almost any criminal case cannot proceed without evidence provided by witnesses. This necessitates the reform of the procedure applied to interrogate participants in criminal proceedings, as well as the recording of these interrogations. Such novelties are important both in terms of creating conditions for admissibility and, accordingly, reliability of evidence and in terms of guaranteeing respect for the rights and legitimate interests of persons involved in criminal proceedings. The same applies to other investigative activities that resort to IT-technologies. The national legislations of modern states create their own standards for investigative actions using digital technologies. However, all of this is of particular interest when it comes to international cooperation. The paper on the basis of the analysis of the Russian legislation explains the concept of legal personality and international legal personality. The laws of some foreign countries are also investigated. The paper also examines the issues of normative regulation of the use of digital technologies in some investigative actions including remote examination and deposit of a witness's testimony in the framework of the provision of legal assistance in criminal matters.

Keywords: criminal proceedings; legal personality; testimony of witnesses; interrogation of witnesses; digital technologies; digitalization; remote interrogation; deposit of testimony ; evidence.

Cite as: Antonovich EK. K voprosu o mezhdunarodnoy pravosubektnosti i ugovnom sudoproizvodstve v usloviyakh tsifrovizatsii [International Legal Personality and Criminal Proceedings in the Context of Digitalisation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(6):112—124. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.112-124. (In Russ., abstract in Eng.).

Стремительное развитие информационных технологий, их последовательное внедрение во все области жизни человека обуславливает появление новых форм деятельности и трансформацию существующих. Это привело к развитию такого мировоззрения, когда все сферы воспринимаются через призму информационных процессов, а весомая роль отводится искусственному интеллекту. Все это побудило как в юридической литературе, так

и в правоприменительной практике интерес к поиску направлений повышения эффективности уголовного судопроизводства за счет использования цифровых технологий. Обсуждаются не только проблемы использования информационных технологий при производстве отдельных следственных действий³ и места электронных доказательств в перечне видов доказательств⁴, но и перевода производства по уголовному делу в электронный формат⁵, исследуются от-

³ Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 125—136.

⁴ Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 74—84.

⁵ Воскобитова Л. А. Основы уголовного судопроизводства и цифровизация // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция

дельные достоинства и преимущества, которые может дать цифровизация уголовного судопроизводства⁶, проводится сравнительный анализ российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства в условиях развития цифровых технологий⁷.

Все это происходит на том этапе, когда объем уголовно-процессуального права расширяется, выходя за пределы национального законодательства.

Во-первых, как справедливо отмечалось в юридической литературе, признание на конституционном уровне права каждого обращаться за защитой нарушенного права не только в соответствующие органы национального государства, но и в специально для этого создаваемые судебные и квазисудебные международные органы по защите прав и свобод человека после исчерпания средств внутригосударственной защиты вывело уголовно-процессуальные отношения из исключительно внутригосударственного вопроса на уровень международно-правовых процедур, порождающих соответствующие правовые обязательства как для заявителя, так и для национального государства. Это создало ситуацию, когда внутреннего национального регулирования уголовно-процессуальных отношений оказывается явно недостаточно и в объем уголовно-процессуального права включаются соответствующие предписания международно-правовых актов⁸.

Во-вторых, при расследовании уголовного дела порой требуются доказательства, находящиеся за пределами территории Российской Федерации. В этом случае доказывание имеет свою специфику, обусловленную трансграничным характером этого процесса, а следовательно, значительным расширением как спектра его участников за счет привлечения иностранных компетентных органов и должностных лиц, так и регулирующего воздействия на них посредством применения не только международного, но и иностранного законодательства.

А поскольку цифровизация в уголовном судопроизводстве рассматривается как обусловленный стремлением повысить эффективность уголовного судопроизводства и гарантировать защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, способ использования на единой цифровой платформе информационных технологий в парадигме принятия решений и доказывания⁹, то вопрос о возможности участия в уголовном судопроизводстве находящихся за пределами Российской Федерации лиц приобретает особую актуальность. Исследуем эту проблему через призму «правосубъектности».

Понятие «правосубъектность» в юридической литературе обычно рассматривалось применительно к гражданскому судопроизводству. Причем большинством авторов исследовалось посредством соотношения правоспособности

(Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. М. : РГ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 75—86 ; *Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728—751. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.

⁶ *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. 2019. № 5. С. 91—104 ; *Вилкова Т. Ю., Ничипоренко А. А.* Исправление приговоров, содержащих противоречивые выводы относительно одних и тех же фактов: практика Президиума Верховного Суда Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 3. С. 13—16.

⁷ *Вилкова Т. Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // *Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции*. Ч. 3. С. 235—240.

⁸ *Воскобитова Л. А.* Объемное понимание уголовно-процессуального права // *Уголовное судопроизводство*. 2019. № 2. С. 10—16.

⁹ *Антонович Е. К.* К вопросу о законодательном регулировании дистанционного допроса и депонирования показаний свидетелей по уголовным делам в досудебном производстве // *Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции*. Ч. 3. С. 105—120.

и дееспособности лица и его правового статуса. Так, С. Н. Братусь¹⁰, Н. Г. Александров¹¹, Ю. К. Толстой¹², Д. М. Чечот¹³ отождествляли правосубъектность и правоспособность. Затем С. Н. Братусь термин «правосубъектность» рассматривал как тождественный термину «субъект права», только слагаемые этого термина, как он отмечал, поменялись местами. Понятие же правосубъектности вместе с тем определялось им «как признанная способность лица иметь права и нести обязанности»¹⁴. Н. В. Витрук рассматривал правосубъектность как «единство право- и дееспособности (а также деликтоспособности в тех случаях, когда она выделяется наряду с дееспособностью)»¹⁵. О. А. Красавчиков раскрывал ее как общую основу, определяющую характер и объем прав, которые могут находиться в обладании данного субъекта, юридическое понятие правосубъектности, по его мнению, складывается из двух основных элементов: правоспособности и дееспособности¹⁶. С. С. Алексеев рассматривал ее как юридическое свойство лица, его общественно юридическое состояние, «которое по своей природе неотъемлемо от лица»¹⁷.

Встречаются и другие мнения: Р. О. Халфина полагала, что понятие правосубъектности включает в себя нормы, образующие правовой статус и дающие возможность субъекту участвовать в правоотношениях¹⁸.

Отождествление правосубъектности и правового статуса вряд ли оправданно, ведь до определенного момента лицо может и не быть вовлечено в орбиту уголовного судопроизводства, а следовательно, не обладает правами и не несет обязанности соответствующего участника

уголовного судопроизводства. Можно выявить два таких основания участия лица в правоотношениях в рамках уголовного судопроизводства: фактическое и юридическое. Для свидетеля фактическим основанием будет наличие у лица сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, юридическим — юридический факт, порождающий процессуальные правоотношения¹⁹. Лишь с наступлением юридически значимого факта, наиболее важный из которых — процессуальное решение, между государством в лице его компетентных органов и должностных лиц и личностью возникают правоотношения. Для свидетеля это решение следователя о его вызове, содержащееся в повестке.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве правосубъектность — это предусмотренная уголовно-процессуальным правом способность лица быть участником уголовного судопроизводства, то есть способность обладать правами и исполнять обязанности и нести ответственность, реализуемая только в границах (пределах) правового статуса соответствующего участника уголовного судопроизводства при наличии соответствующего фактического и юридического оснований.

Но участники уголовного судопроизводства могут находиться на момент расследования уголовного дела за пределами территории государства, в котором осуществляется производство по делу. Их допрос возможен в рамках международного сотрудничества. Чем же обусловлена правосубъектность этих участников уголовного судопроизводства в данном случае? Применимо ли здесь понятие международной

¹⁰ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Госюриздат, 1950. С. 6.

¹¹ Александров Н. Г. Законность и правоотношение в советском обществе. М., 1955. С. 134.

¹² Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Ленинград : ЛГУ, 1959. С. 11.

¹³ Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. М. : МГУ, 1968. С. 11.

¹⁴ Братусь С. Н. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права. М. : Юрид. лит., 1984. С. 12.

¹⁵ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности: к методологии вопроса // Правоведение. 1979. № 3. С. 10—17.

¹⁶ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 37—39.

¹⁷ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 139.

¹⁸ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. С. 119—120.

¹⁹ См. подробнее: Антонович Е. К. Правосубъектность свидетеля в уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // Российский следователь. 2019. № 12. С. 24—27.

правосубъектности? Имеется ли отличие правосубъектности участника уголовного судопроизводства в рамках законодательства государства, в котором осуществляется производство по делу и в котором пребывает этот участник уголовного судопроизводства? Какое значение отводится в этом процессе цифровизации?

Вначале большинством ученых отрицалась возможность международной правосубъектности индивида, считалось, что отдельные лица не являются субъектами международного права²⁰. Но в последние годы идея о международной правосубъектности индивида находит всё большую поддержку. Небезынтересна имеющаяся в юридической литературе полемика о взаимосвязи международной и внутригосударственной правосубъектности в этой связи.

Так, М. А. Лихачев отмечает, что права индивида в международном праве, в частности право на обращение в ЕСПЧ, проистекающие из его международной правосубъектности, связаны с внутригосударственной регламентацией процедуры исчерпания внутренних средств правовой защиты, что обусловлено уже внутригосударственной правосубъектностью²¹.

По мнению же М. М. Бирюкова, сам по себе такой доступ не превращает их в субъектов международного права, а означает лишь то, что государства — участники соответствующего договора берут на себя взаимное обязательство обеспечить этот доступ имеющимися в их распоряжении правовыми и организационными мерами, а стороной правоотношения в данном случае является государство²².

Большая часть исследователей придерживается мнения о том, что основную роль в регулировании и защите прав человека играет государ-

ство, в то время как международное право носит субсидиарный, вспомогательный характер²³. Однако, как верно подмечает В. А. Карташкин, международное право играет вспомогательную роль в регулировании и защите прав человека только до тех пор, пока государство соблюдает взятые на себя обязательства. В случае нарушения тем или иным государством основных прав и свобод человека, продолжает он, международное право начинает играть основную роль в их защите²⁴.

Высказываются и другие мнения. Например, в юридической литературе некоторые исследователи отмечают, что индивид обладает ограниченной международной правосубъектностью, поскольку субъект международного права — это носитель международных прав и обязанностей, поэтому он участвует в международных правоотношениях в создании норм международного права и, соответственно, в контроле за их исполнением и несет ответственность за нарушение этих норм.

Большинство точек зрения относительно международной правосубъектности индивида рассматривались прежде всего с позиции возможности обращения в международные инстанции. Но, как справедливо отмечает Я. С. Кожеуров, право заключать международные договоры — лишь проявление, пусть во многих случаях очень важное, но всего лишь проявление международной правосубъектности, а не ее основание²⁵.

Если же при производстве по уголовному делу компетентному органу одного государства необходимы, например, показания потерпевшего или свидетеля, которые в данный момент находятся в другом государстве, то вызов этих лиц

²⁰ См.: Черниченко С. В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1968. М., 1969. С. 270.

²¹ Лихачев М. А. Правовой статус личности как воплощение взаимодействия внутригосударственного и международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2010. № 2.

²² Бирюков М. М. Право Европейского Союза / Международное право : учебник / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М., 2006. С. 705—708.

²³ См.: Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 158—162.

²⁴ Карташкин В. А. Государство и личность в международных правоотношениях // Юрист-международник. 2004. № 4.

²⁵ Кожеуров Я. С. О международной правосубъектности индивида // Lex russica. 2004. Т. LXIII. № 2. С. 494.

может быть гарантирован в рамках правовой помощи по уголовным делам в соответствии с применимым международным договором или на основе принципа взаимности. По данным Минюста России, в настоящее время по вопросам международного сотрудничества по уголовным и иным делам действует более 15 многосторонних, более 80 двусторонних договоров²⁶. Применительно к рассматриваемому вопросу в рамках уголовного судопроизводства фактическим основанием международной правосубъектности будут сведения, которыми свидетель, потерпевший или обвиняемый располагают и которые могут сообщить в ходе допроса, а юридическим основанием — оформленное в форме запроса согласно международному договору или на основании принципа взаимности поручение в соответствующий компетентный орган иностранного государства. По данным Генеральной прокуратуры РФ, ежегодно рассматривается более 6 тыс. запросов о правовой помощи по уголовным делам, как российских, предназначенных для направления в иностранные государства, так и поступивших из-за рубежа²⁷.

И на внутригосударственном уровне уголовно-процессуальные правоотношения являются сложными и многосубъектными. При этом справедливо отмечается, что с учетом достижений и возможностей цифровых технологий они претерпевают определенную трансформацию: появляются новые возможности для реализации процессуальных прав и обязанностей; имеющиеся правовые инструменты наполняются новым содержанием²⁸. В данном случае конструкция таких правоотношений еще и осложнена соотношением регулирующего воздействия внутригосударственного и международного права.

Возникающие в результате правоотношения отличаются следующими особенностями: они

выходят за пределы территории одного государства; индивид вступает в правоотношения с национальными компетентными органами своего государства, поскольку вызван для допроса на основании поручения, содержащегося в запросе о правовой помощи через национальные компетентные органы; индивид вступает в правоотношения с иностранными компетентными органами, вызвавшими его на допрос, в стране его пребывания; индивид вовлечен в правоотношения, складывающиеся между осуществляющими сотрудничество национальными и иностранными компетентными органами.

Если полномочия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, закреплены в национальном законодательстве, то права лиц, вызываемых на допрос, закреплены и в национальном законодательстве государства, осуществляющего расследование, и в национальном законодательстве государства пребывания лица, и в международных правовых актах. Способность лица иметь права свидетеля, потерпевшего или обвиняемого и нести обязанности соответствующего участника уголовного судопроизводства зависит от соблюдения процедуры его вызова, предусмотренной применяемым международным договором. То есть наличие правового статуса обусловлено международной правосубъектностью участника уголовного судопроизводства.

Анализ практики подготовки международных договоров позволяет выделить как минимум 7 условий, гарантирующих вызов участников уголовного судопроизводства, а значит, и способствующих наделению их правовым статусом по уголовному делу, и все они предусмотрены международными договорами²⁹:

— вызов в установленном порядке, т.е. на основании поручения, содержащегося в запросе

²⁶ URL: <https://minjust.ru/perechen-mezhdunarodnyh-dogovorov-rossiyskoy-federacii-po-voprosam-pravovoy-pomoshchi-i-pravovyh> (дата обращения: 12.03.2020).

²⁷ URL: <https://genproc.gov.ru/ms/> (дата обращения: 12.03.2020).

²⁸ Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467—489.

²⁹ См.: Антонович Е. К. Порядок вызова свидетелей и потерпевших, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и последствия его нарушения. Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3. С. 53—57.

- о правовой помощи, оформленного, как того требует международный договор³⁰ или на основе принципа взаимности;
- направление запроса компетентному должностному лицу или органу;
 - получение согласия вызываемых лиц на дачу показаний и добровольность их явки;
 - недопустимость допроса вызываемых лиц по другому уголовному делу и в статусе, отличном от указанного в запросе;
 - возмещение расходов, возникающих в связи с проездом и пребыванием за границей, а также возможной потерей заработка;
 - особый порядок вызова лиц, находящихся под стражей, независимо от их гражданства, включая возможность отказа в их передаче;
 - соблюдение иммунитета, то есть дополнительных гарантий неприкосновенности и неотвеченности вызываемых лиц, который распространяется на определенный круг лиц, имеет определенный объем, территориальные и временные рамки.

Несоблюдение этих требований обуславливает признание доказательств недопустимыми и исключает участие лица в уголовном судопроизводстве.

Если вызов находящихся за пределами Российской Федерации лиц невозможен, то в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам лицо может быть допрошено, находясь в иностранном государстве, в основном по правилам законодательства запрашиваемого государства. Но международным договором может быть предусмотрена возможность применения законодательства государства запрашивающей стороны или могут уточняться особенности, касающиеся процедур получения доказательств.

Как справедливо отмечалось, все источники процессуального права необходимо применять не альтернативно, а в их системном единстве, позволяющем выявить весь объем правового регулирования и объемное содержание правовой нормы³¹. Особую актуальность это приобретает при реализации права хранить молчание и права не свидетельствовать против себя, признанных в качестве международных стандартов и составляющих основу справедливой процедуры в соответствии со ст. 6 Европейской конвенции по правам человека³². Ведь не обладающее какими-либо привилегиями и иммунитетом лицо может обладать привилегиями в части отказа от дачи показаний по законодательству государства пребывания. В этом случае вопрос о применении национального законодательства определен в международном договоре.

В рамках международного сотрудничества в таких случаях норма международного права не трансформируется в норму внутригосударственного права, она, если так можно сказать, заставляет ее работать. Таким образом, индивид подвергается непосредственному регулируемому воздействию международного права. И в этом случае применение норм внутригосударственного права обусловлено применением норм международного права.

При таких обстоятельствах основания говорить о наличии международной правосубъектности участника уголовного процесса представляются весьма весомыми, причем международная правосубъектность обуславливает внутригосударственную правосубъектность, поскольку способность лица быть участником уголовного судопроизводства по уголовному делу, расследуемому в иностранном государ-

³⁰ См.: Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. 2016. № 5. С. 24—27.

³¹ См. подробнее: Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право и уголовно-процессуальный закон как основа правоприменения // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1—32.1 и главы 33—56 : постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Редакция «Российской газеты», 2015. С. 3—14, 3—15 ; Она же. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма: Инфра-М, 2017. С. 88.

³² См.: постановления ЕСПЧ от 10.03.2009 по делу «Быков против Российской Федерации», от 18.02.2010 по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации».

стве, и обладать правами и нести обязанности участника уголовного судопроизводства обусловлена соблюдением положений международного правового акта.

Наблюдаются различия не только в правовом статусе участника уголовного судопроизводства, но и в законодательно регламентируемой возможности быть участником уголовного судопроизводства. Так, ряд иностранных законодательств не допускает допрос в качестве свидетеля лиц из числа тех, кто в связи с физическими или психическими недостатками не способен правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания (ст. 118 УПК Болгарии³³), кто в связи со своим малолетним возрастом либо в связи с психическими или физическими недостатками не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания о них (ст. 78 УПК Казахстана³⁴), либо не допускается присяга тех, кто не достиг 18-летнего возраста (ст. 60 УПК ФРГ³⁵), либо допускается возможность проверки физической или психической пригодности для дачи показаний (ст. 196 УПК Италии³⁶) и регламентируется особая процедура допроса глухих, немых и глухонемых свидетелей (ст. 119 УПК Италии)³⁷.

Рассуждая о значении международной правосубъектности, можно выделить как минимум два значения: для самого лица, которое допрашивается, и для уголовного судопроизводства в целом. С одной стороны, международная правосубъектность создает дополнительные гарантии для индивидуума, поскольку предус-

матривается повышенная защита его интересов; а с другой — создает гарантию для признания таких доказательств допустимыми, поскольку соблюдение не только законодательства, но и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при получении таких доказательств рассматривается как одно из условий признания рассматриваемых доказательств допустимыми³⁸.

Сказанное приобретает особое значение в условиях цифровизации. Ведь законодательство некоторых иностранных государств допускает возможность депонирования показаний и производство дистанционного допроса с использованием информационных технологий не только в рамках уголовного судопроизводства своего государства, но и в соответствии с запросом о правовой помощи. Причем эта процедура возможна в отношении не только свидетелей и потерпевших, но и обвиняемых. Соответствующие нормы закреплены, например, в ст. 468 УПК Эстонии³⁹, ст. 576 УПК Казахстана. В Российской Федерации подобные допросы законодательством не предусмотрены ни в рамках производства по делу в Российской Федерации, ни в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам. Вместе с тем в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания РФ находится законопроект № 434998-7 о дистанционном допросе. Однако его содержание не касается допроса всех участников уголовного судопроизводства и не затрагивает проблем международного дистанционного допроса. Полагаем, при доработке законо-

³³ URL: https://e-justice.europa.eu/content_rights_of_defendants_in_criminal_proceedings_-169-hu-en.do?member=1 (дата обращения: 12.03.2020).

³⁴ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 12.03.2020).

³⁵ URL: https://e-justice.europa.eu/content_rights_of_defendants_in_criminal_proceedings_-169-hu-en.do?member=1 (дата обращения: 12.03.2020).

³⁶ URL: <https://lexscripta.it/codici/codice-procedura-penale/articolo-119> (дата обращения: 12.03.2020).

³⁷ URL: <https://lexscripta.it/codici/codice-procedura-penale/articolo-119> (дата обращения: 12.03.2020).

³⁸ См.: Антонович Е. К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4. С. 41—44.

³⁹ URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/33/Estonia/show> (дата обращения: 12.03.2020).

проекта стóбит учесть указанные обстоятельства и решить вопрос о возможности расширения сферы применения дистанционного допроса и по кругу лиц, и в отношении международного сотрудничества⁴⁰.

Вопросы международной правосубъектности приобретают особую актуальность, когда производство по делу обусловлено необходимостью осмотра информационных систем, сайта в сети Интернет, страницы сайта в сети Интернет, наложения ареста на имущество. Так, благодаря сотрудничеству с зарубежными коллегами только из Швейцарии за последние несколько лет российским компаниям были возвращены свыше 110 млн долл. США, арестованных по поручениям Генеральной прокуратуры России. На сегодняшний день по запросам Генпрокуратуры России арестованы и заблокированы за рубежом денежные средства злоумышленников на общую сумму порядка 250 млн евро и недвижимое имущество на сумму около 300 млн евро⁴¹.

Особый интерес представляет анализ законодательства некоторых иностранных государств в части, касающейся возможности обыска, выемки и осмотра, во время которых установление обстоятельств по делу возможно через соответствующие носители информации, например персональный компьютер, флеш-карту, телефон, съемный диск и др. Например, ст. 100b УПК ФРГ регламентирует процедуру скрытого удаленного поиска систем информационных технологий⁴², а уголовно-процессуальное законодательство Сингапура допускает возможность доступа лица, расследующего преступление, к компьютеру для получения информации на территории Сингапура или за его пределами⁴³.

Наличие таких следственных действий обуславливает поиск ответов на вопросы: каков порядок их производства, если компания-про-

вайдер зарегистрирована за пределами территории государства? Чьи электронные данные могут собираться в таких случаях?

Кроме того, законодательство некоторых иностранных государств допускает возможность признания вины в дистанционном формате посредством современных технологий. Так, согласно ст. 226 УПК Сингапура⁴⁴ лицо, обвиняемое в совершении предусмотренного законом преступления, может признать себя виновным в совершении этого преступления в электронной форме путем уплаты штрафа и пошлины⁴⁵. Такая законодательная новелла может стать еще одной отправной точкой для дискуссий о приемлемости этой процедуры в рамках международного сотрудничества.

Интересен и зарубежный опыт европейского ордера на производство следственных действий.

Следует учитывать, что «если при экспериментальном подходе к поэтапному внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство на начальном этапе обязателен мониторинг достоинств и рисков электронной формы в целях постепенного освоения новой практики процессуальной деятельности, уточнения правового регулирования ее применения, устранения недочетов, учета большего количества факторов при уточнении цифрового программирования»⁴⁶, то международная правосубъектность участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации обуславливает дополнительные риски.

Рассмотрим некоторые из них.

Даже при поверхностном сравнении условий признания иностранных сертификатов и электронной цифровой подписи, определенных в национальных законодательствах, можно выявить очевидные различия.

⁴⁰ См.: Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей ...

⁴¹ URL: <https://genproc.gov.ru/ms/> (дата обращения: 12.03.2020).

⁴² URL: https://e-justice.europa.eu/content_rights_of_defendants_in_criminal_proceedings_-169-hu-en.do?member=1 (дата обращения: 05.03.2020).

⁴³ URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CPC2010#pr39-> (дата обращения: 05.03.2020).

⁴⁴ URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CPC2010#pr39-> (дата обращения: 05.03.2020).

⁴⁵ URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CPC2010#pr226-> (дата обращения: 05.03.2020).

⁴⁶ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости.

Некоторые расхождения имеются и в подходах законодателя при формулировании норм о возможности дистанционного допроса при нахождении участника уголовного судопроизводства в ином законодательстве и об участниках этого следственного действия.

Еще одна проблема, которая становится актуальной при переходе производства по делу в электронный формат, — это проблема подачи заявления о преступлении и ознакомления с материалами уголовного дела соответствующих участников уголовного судопроизводства, находящихся за пределами территории государства, в котором осуществляется производство по делу.

Имеет место и технологическое различие, в том числе в части алгоритмов хеширования и криптографии.

Очевидно, что развитие в рамках одного государства определенной технологической проблемы, которая в дальнейшем может быть объектом или способом международного сотрудничества, ставит вопрос о целесообразности предварительной разработки единых международных стандартов, а затем выстраивания на их основе национальных технологических процессов. В частности, для производства дистанционного допроса или депонирования показаний в условиях цифровизации тема аутентичности в электронном взаимодействии в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам не исключает возникновения разногласий

и различий, которые можно свести к трем основным проблемам:

- проблемы в правовой сфере: различия в формулировках, понятиях и терминах в правовой сфере;
- разногласия в процедурах уголовного судопроизводства в условиях цифровизации, в том числе в части собирания доказательств, хранения доказательств, полученных с использованием информационных технологий, и условий их допустимости, а также разногласия в правовом статусе участников;
- использование различных технологий, в том числе хеширования и криптографии.

При таком правовом и технологическом разнообразии возможны два пути решения имеющихся проблем. Первый заключается в попытке унификации правовой базы и используемых технологий. А второй — в отказе от попытки изменять технологии и правовые основы других государств, создавая при этом то, что позволяет сотрудничать, несмотря на некоторые различия, то есть устройство или программный компонент, преобразующий, адаптирующий передаваемую информацию из одного государства в другое, подобно адаптеру электросети. Речь идет об «адаптере» не только технологическом, но и правовом — международном договоре по вопросам сотрудничества и закрепления в современном цифровом обществе правового статуса обладающего международной правосубъектностью лица.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношение в советском обществе. — М., 1955.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. — М., 1982. — Т. 2.
3. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 125—136.
4. Антонович Е. К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. — 2014. — № 4.
5. Антонович Е. К. К вопросу о законодательном регулировании дистанционного допроса и депонирования показаний свидетелей по уголовным делам в досудебном производстве // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая

- конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 105—120.
6. Антонович Е. К. Порядок вызова свидетелей и потерпевших, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и последствия его нарушения // Труды Академии управления МВД России. — 2015. — № 3.
 7. Антонович Е. К. Правосубъектность свидетеля в уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // Российский следователь. — 2019. — № 12. — С. 24—27.
 8. Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. — 2016. — № 5. — С. 24—27.
 9. Бирюков М. М. Право Европейского Союза / Международное право : учебник / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. — М., 2006.
 10. Братусь С. Н. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права. — М. : Юрид. лит., 1984.
 11. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. — М. : Госюриздат, 1950.
 12. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. — Вып. 45. — С. 467—489.
 13. Вилкова Т. Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 235—240.
 14. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. — Вып. 46. — С. 728—751. — DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728—751.
 15. Вилкова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Исправление приговоров, содержащих противоречивые выводы относительно одних и тех же фактов: практика Президиума Верховного Суда Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 3. — С. 13—16.
 16. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности: к методологии вопроса // Правоведение. — 1979. — № 3. — С. 10—17.
 17. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 74—84.
 18. Воскобитова Л. А. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М. : Норма: Инфра-М, 2017.
 19. Воскобитова Л. А. Объемное понимание уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. — 2019. — № 2. — С. 10—16.
 20. Воскобитова Л. А. Основы уголовного судопроизводства и цифровизация // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 75—86.
 21. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. — 2019. — № 5. — С. 91—104.
 22. Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право и уголовно-процессуальный закон как основа правоприменения // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1—32.1 и главы 33—56 : постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. — М. : Редакция «Российской газеты», 2015.
 23. Карташкин В. А. Государство и личность в международных правоотношениях // Юрист-международник. — 2004. — № 4.
 24. Кожеуров Я. С. О международной правосубъектности индивида // Lex russica. 2004. — Т. LXIII. — № 2.
 25. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М., 1958.

26. Лихачев М. А. Правовой статус личности как воплощение взаимодействия внутригосударственного и международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. — 2010. — № 2.
27. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. — М., 2000.
28. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. — Ленинград : ЛГУ, 1959.
29. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М. : Юрид. лит., 1974.
30. Черниченко С. В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1968. — М., 1969.
31. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. — М. : МГУ, 1968.

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov N. G. Zakonnost i pravootnoshenie v sovetskom obshchestve. — М., 1955.
2. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava : v 2 t. — М., 1982. — Т. 2.
3. Antonovich E. K. Ispolzovanie cifrovyyh tekhnologiy pri doprose svidetelej na dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva (sravnitelno-pravovoj analiz zakonodatelstva Rossijskoj Federacii i zakonodatelstva nekotoryh inostrannyh gosudarstv) // Aktualnye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 125—136.
4. Antonovich E. K. K voprosu o dopustimosti dokazatelstv, poluchennyh za predelami territorii Rossijskoj Federacii v ramkah okazaniya pravovoj pomoshchi po ugovnym delam // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2014. — № 4.
5. Antonovich E. K. K voprosu o zakonodatelnom regulirovanii distancionnogo doprosa i deponirovaniya pokazaniy svidetelej po ugovnym delam v dosudebno-m proizvodstve // Rossijskaya pravovaya sistema v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya) : materialy konferencii : v 4 ch. — М. : RG-Press, 2019. — Ch. 3. — S. 105—120.
6. Antonovich E. K. Poryadok vyzova svidetelej i poterpevshih, nahodyashchihsya za predelami territorii Rossijskoj Federacii, i posledstviya ego narusheniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2015. — № 3.
7. Antonovich E. K. Pravosubektnost svidetelya v ugovnom sudoproizvodstve: mif ili realnost? // Rossijskij sledovatel. — 2019. — № 12. — S. 24—27.
8. Antonovich E. K. Trebovaniya, predyavlyaemye k sodержaniyu i forme zaprosa o proizvodstve processualnyh dejstvij, i posledstviya ih nesoblyudeniya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. — 2016. — № 5. — S. 24—27.
9. Biryukov M. M. Pravo Evropejskogo Soyuzа / Mezhdunarodnoe pravo : uchebnik / pod red. A. A. Kovaleva, S. V. Chernichenko. — М., 2006.
10. Bratus S. H. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Subekty grazhdanskogo prava. — М. : Yurid. lit., 1984.
11. Bratus S. N. Subekty grazhdanskogo prava. — М. : Gosyurizdat, 1950.
12. Valeev D. H., Nuriev A. G. Elektronnyj dokumentooborot v sfere pravosudiya v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. — Vyp. 45. — S. 467—489.
13. Vilkoва T. Yu. Dosudebnoe proizvodstvo v usloviyah razvitiya cifrovyyh tekhnologij v Rossii i za rubezhom: sravnitelnyj analiz // Rossijskaya pravovaya sistema v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya) : materialy konferencii : v 4 ch. — М. : RG-Press, 2019. — Ch. 3. — S. 235—240.
14. Vilkoва T. Yu., Maslennikova L. N. Zakonnost i unifikaciya v ugovnom sudoproizvodstve: ot blankov processualnyh dokumentov — k elektronnomu ugovnomu delu // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. — Vyp. 46. — S. 728—751. — DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728—751.

15. Vilkoва T. Yu., Nichiporenko A. A. Ispravlenie prigovorov, sodержashchih protivorechivye vyvody otnositelno odnih i tekh faktov: praktika Prezidiuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2020. — № 3. — S. 13—16.
16. Vitruk N. V. Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti: k metodologii voprosa // Pravovedenie. — 1979. — № 3. — S. 10—17.
17. Voronin M. I. Elektronnye dokazatelstva v UPK: byt ili ne byt? // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — S. 74—84.
18. Voskobitova L. A. Dokazyvanie i prinyatie reshenij v sostyazatelnom ugovnom sudoproizvodstve / otv. red. L. N. Maslennikova. — M. : Norma: Infra-M, 2017.
19. Voskobitova L. A. Obemnoe ponimanie ugovno-processualnogo prava // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. — 2019. — № 2. — S. 10—16.
20. Voskobitova L. A. Osnovy ugovnogo sudoproizvodstva i cifrovizaciya // Rossijskaya pravovaya sistema v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya) : materialy konferencii : v 4 ch. — M. : RG-Press, 2019. — Ch. 3. — S. 75—86.
21. Voskobitova L. A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i cifrovye tekhnologii: problemy sovmestimosti // Lex russica. — 2019. — № 5. — S. 91—104.
22. Voskobitova L. A. Ugolovno-processualnoe pravo i ugovno-processualnyj zakon kak osnova pravoprimereniya // Ugolovno-processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Glavy 1—32.1 i glavy 33—56 : postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij / otv. red. L. A. Voskobitova. — M. : Redakciya «Rossijskoj gazety», 2015.
23. Kartashkin V. A. Gosudarstvo i lichnost v mezhdunarodnyh pravootnosheniyah // Yurist-mezhdunarodnik. — 2004. — № 4.
24. Kozheurov Ya. S. O mezhdunarodnoj pravosubektnosti individa // Lex russica. 2004. — T. LXIII. — № 2.
25. Krasavchikov O. A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. — M., 1958.
26. Lihachev M. A. Pravovoj status lichnosti kak voploshchenie vzaimodejstviya vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 2010. — № 2.
27. Lukashuk I. I. Globalizaciya, gosudarstvo, pravo, XXI vek. — M., 2000.
28. Tolstoj Yu. K. K teorii pravootnosheniya. — Leningrad : LGU, 1959.
29. Halfina R. O. Obshee uchenie o pravootnoshenii. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1974.
30. Chernichenko S. V. Dopusk individov v mezhdunarodnye sudy i mezhdunarodnaya pravosubektnost // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1968. — M., 1969.
31. Chehot D. M. Subektivnoe pravo i formy ego zashchity. — M. : MGU, 1968.